

Потустороннее где-то рядом

Молчаливое кино Шарунаса Бартаса в Москве

Екатерина Сальникова

В Москве проходит VI Форум кинематографий стран СНГ и Балтии. После распада единого культурного пространства Союза каждый регион сам ищет новые пути – к новому кино. При всем внешнем разнообразии стилей и тем очевидны магистральные тенденции. Два самых актуальных эстетических полюса: натурализм и поэтичность.

Натурализм – забубенный, с грязью, копотью, кровоподтеками, гноем и ружьядью. Поэтичность – радикальная, с плотным слоем метафор, с суггестивным ритмом, с мистикой. Когда оба полюса так или иначе встречаются в пределах одного фильма, возникает дополнительное напряжение. Так, в киргизском «Томого» Дальмира Тилепбергенова одинокий старик (Болот Бейшеналиев) ловит птицу на продажу и плененному соколу надевает на глаза специальный шлем, чтобы тот не мог ориентироваться в пространстве. Получается мрачная притча о том, почему птицы не летают, как и люди.

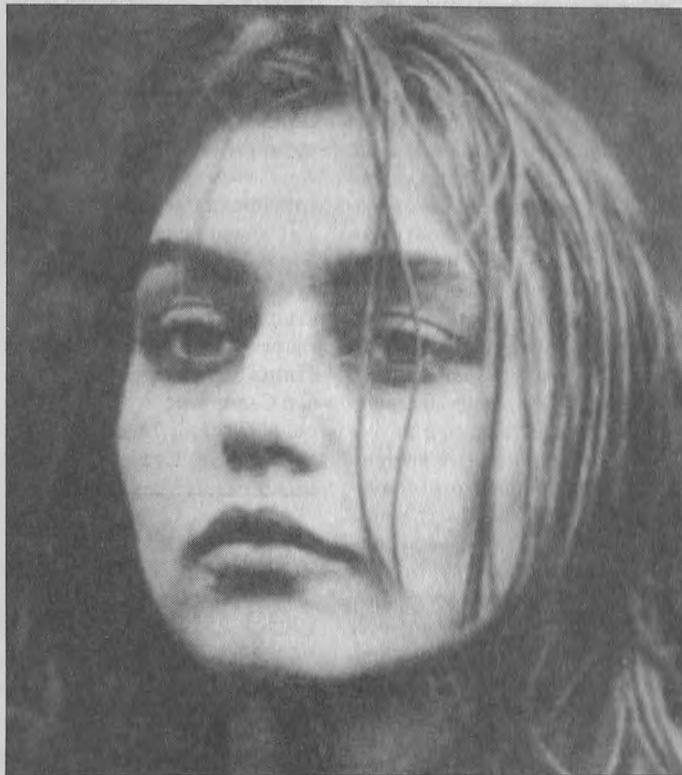
Переизбыток же поэзии грозит заслонить собой реальную картину мира. Однако тягаться с ней в емкости умозрительных образов не может. Это ярко продемонстрировали украинские картины «Украинские баллады» Александра Коротенко и Ларисы Артюгиной и «Шум ветра» Сергея Маслобойщикова. Первый видеопроект представил сладкие и цветистые зарисовки из современной жизни в аранжировке из народных украинских песен. Оптимистичный лиризм фильма вызывал ассоциации с разбавленной «светлухой» 70-х годов на советском ТВ. «Шум ветра», наоборот, погрузил зрителей в беспросветную пучину, именуемую поисками смысла жизни.

Компания выпивающих и разглагольствующих людей расположилась на пикник. Кругом зеленый лес, живописное болото и романтические лошади для верховой езды в состоянии душевного кризиса. На подстилке – пластмассовые одноразовые стаканчики и вино. Страдай – не хочу. И герои усиленно страдают.

Ребенок убегает из дома, взрослые выясняют отношения и предлагают аудитории гадать, кто из них являет собой большую метафору Сомнений, Призрачности счастья или Женского начала. Фильм использует многие лейтмотивы авторского кино второй половины XX века, но реанимировать их нервные ткани режиссеру так и не удается.

Молчаливый симбиоз натурализма и иррациональности достигнут литовским режиссером Шарунасом Бартасом, чья ретроспектива стала одним из центральных событий форума. Это кино не предназначено для сколько-нибудь широкой аудитории. Думать о фильмах Бартаса гораздо проще, чем их смотреть. Если литовский театр в лице Эймунтаса Някрошюса представляет избыточно многосложную эстетику, то у Бартаса национальные традиции гипнотизируют минимализмом выразительных средств.

«В память ушедшего дня» – документальный фильм о бытии города. Люди в нем просто являются его частью. Поэтому режиссер рассказывает не о них, а о том, как они взаимодействуют с улицами, домами, природой и житейской утварью. В каждую ситуацию, в каждую мизансцену и даже сам набор предметов режиссер закладывает надбытовое содержание. И чем дольше камера зависает на одном месте, тем по логике такого стиля этого содержания должно накопиться больше. Время наращивает

Красивая, но может и ножом пырнуть, если надо. Катерина Голубева в фильме «Нас немного».

Независимая – 2002. – 14 мая. – с. 8.

смысл. Время копает вглубь, во внутреннюю суть вещей. Инвалид долго пытается преодолеть на своих колесиках выщербленный порог. Чем дольше нам это показывают, тем очевиднее должно быть, что это метафора отношений человека с внешним миром. Мир большой и неудобный. Человек слабый и несчастный. И так будет всегда. Старик долго раскладывает ноты, чтобы наполнить все пространство города музыкой. Чем дольше он готовится, тем сильнее этот рабочий процесс тяготее к сакральному ритуалу. Полунитый поправляет ниточки своей куклы-марионетки. Кукла вздрагивает и непроизвольно пошевеливается, как одушевленное существо. Это и есть ее настоящая жизнь. А когда хозяин управляет

куклой на улице, для публики, это уже только имитация жизни и показуха. Грустно, что процесс оживления – столь сокровенная вещь, что его нельзя превращать в представление. Но таков один из законов бытия, с которым не очень-то поспоришь.

В художественной картине Бартаса «Нас немного» девушка с внешностью топ-модели (Катерина Голубева) попадает в дикую местность Саян. На этих просторах человек не может быть главным. Движение заходит в кадр, распространяется внутри и постепенно уходит куда-то прочь. А кадр стоит себе на месте, как молчаливый постовой, который может смотреть только в одном направлении и не имеет права пошевелиться. Так смотрят пустота и вечность на убывающее время чьей-то жизни. Вдруг с ненормальной силой заколышутся высокие сосны – Тарковский предпочитал проделывать такое с более низкой и развесистой растительностью. Зимний лес похож на сказочную заколдованную страну. Холм, состоящий из осыпающихся острых камней, кажется декорацией для драмы об экологической катастрофе. Упадок деревни с местными обитателями смотрится как телерепортаж о вымирающих аборигенах Севера. А все вместе напоминает притчу о долгих похоронах живой молодой женщины – без убийства, без гроба, без объявления смерти. Смешивая разные стилистики и жанровые нюансы, Шарунас Бартас снимает кино про то, как посюсторонний мир превращается для человека в потусторонний.

Интеллектуальные головы героев гудят и ноют.

Кадр из фильма «Шум ветра»